

ДМИТРИЙ ВЕКТОР

**НЕПРАВИЛЬНАЯ
ВСЕЛЕННАЯ**

Дмитрий Вектор

Неправильная вселенная

«Автор»

2026

Вектор Д.

Неправильная вселенная / Д. Вектор — «Автор», 2026

Когда законы физики начинают ломаться, у человечества остаются считанные дни.**Физик Ингрид Ларсен замечает невозможное: мост в центре Хельсинки разрушается и восстанавливается в бесконечном цикле. Это только начало. По всей Скандинавии распространяются аномалии — временные петли, обратное старение, замерзающий огонь, гравитационные инверсии. Люди застревают в циклах собственных действий, регрессируют до младенцев, исчезают в разрывах пространства-времени. Источник катастрофы находится на дне Норвежского моря — загадочная сфера, порождённая экспериментом на Большом адронном коллайдере. Разрыв в ткани реальности. Дверь в другие измерения. И с каждым часом она растёт, угрожая стереть планету в несуществование. У Ингрид и её коллеги Томаса Бергквиста есть один шанс остановить апокалипсис. Но цена будет невероятной — потеря человечности ради спасения человечества. Пересечение границы, за которой существование меняет саму суть бытия.

© Вектор Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аномалия.	5
Глава 2. Триггер.	8
Глава 3. Распространение.	12
Глава 4. Паттерн.	15
Глава 5. Первая жертва.	19
Глава 6. Каскад.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дмитрий Вектор

Неправильная вселенная

Глава 1. Аномалия.

Кофе в чашке Ингрид остыл ровно за три минуты двадцать секунд. Она знала это точно, потому что засекала время автоматически – профессиональная привычка физика-экспериментатора. Каждый процесс имеет свою скорость, свою предсказуемость. Энтропия не шутит: горячее остывает, холодное нагревается от окружающей среды, и никогда наоборот.

Но когда она вернулась от окна к столу, кофе был горячим.

Не тёплым. Не комнатной температуры. Обжигающе, невозможно горячим – так, что пар поднимался над чашкой густыми клубами, будто она только что налила его из турки.

Ингрид замерла, глядя на поднимающийся пар. За окном лаборатории Копенгагенского университета моросил октябрьский дождь, превращая город в размытую акварель серых и жёлтых пятен. Пятница, шесть вечера, коридоры давно опустели. Только она задержалась, потому что эксперимент с квантовыми флуктуациями требовал проверки данных. Опять.

Она осторожно коснулась пальцем керамической стенки. Обожглась. Выругалась по-датски, сунула палец в рот. Потом медленно, очень медленно, взяла лабораторный термометр с соседнего стола.

Девяносто три градуса по Цельсию.

Ингрид опустила на стул. Когда она наливала кофе – а было это ровно восемь минут назад, – температура составляла восемьдесят шесть градусов. Она помнила, потому что всегда проверяла: слишком горячий кофе обжигает рецепторы, и вкус теряется. Восемьдесят шесть – идеальная температура.

Восемь минут назад было восемьдесят шесть градусов. Сейчас – девяносто три.

Термометр на стене показывал двадцать два градуса. Комнатная температура. Стандарт для лаборатории. Кофе не мог нагреться сам по себе. Это противоречило второму закону термодинамики, фундаментальному принципу, на котором держалась вся физика.

– Бред, – сказала Ингрид вслух, и её голос прозвучал странно в пустой лаборатории. – Просто недосыпание.

Но рука сама потянулась к компьютеру. Два года назад, после серии краж оборудования, она установила камеры наблюдения. Тогда это казалось паранойей. Сейчас – спасением.

Видеозапись загрузилась за несколько секунд. Ингрид перемотала к моменту, когда наливала кофе. Вот она стоит у стола, держит термос. Наливает в чашку. Термометр, торчащий из жидкости, показывает восемьдесят шесть градусов. Всё правильно.

Вот она отходит к окну, скрестив руки на груди. Смотрит на дождь. Задумывается о чём-то – вероятно, об эксперименте, который никак не хотел давать стабильных результатов.

Тридцать секунд. Минута. Две.

На третьей минуте пар над чашкой, который почти исчез, снова начинает подниматься.

Ингрид наклонилась к экрану так близко, что почувствовала запах пластика и тёплой электроники. Перемотала назад. Посмотрела ещё раз.

Пар сначала исчезал. А потом возвращался.

На четвёртой минуте его стало больше. На пятой – ещё больше. На шестой, когда она повернулась от окна, над чашкой клубились облака пара, густые и плотные.

– Нет, – прошептала Ингрид. – Нет, это невозможно.

Она схватила телефон, набрала номер Томаса. Он был не просто коллегой – они вместе защищали диссертации, вместе писали статьи, и он единственный человек, который не посме-

ялся бы над ней. Томас работал в Стокгольме, в институте теоретической физики, и если кто-то мог объяснить происходящее, то только он.

Гудки. Три. Пять. Семь.

– Ингрид, – наконец ответил Томас, и в его голосе слышалась усталость. – Если это насчёт статьи, то я ещё не.

– Мой кофе нагрелся сам по себе.

Пауза. Долгая, неловкая пауза.

– Что?

– Я налила кофе. Он остыл. Я отошла к окну. Когда вернулась, он стал горячее, чем был изначально. У меня есть видеозапись. Термометр показывает Томас, термодинамика работает наоборот.

Ещё одна пауза. Потом Томас выдохнул – медленно, как человек, который пытается сохранить терпение.

– Ингрид, ты давно спала нормально?

– Я не сумасшедшая! – Она не хотела кричать, но голос сорвался. – У меня есть запись. Температура поднялась с восьмидесяти шести до девяноста трёх градусов за восемь минут. В комнате двадцать два градуса. Откуда взялась энергия?

– погоди. – В голосе Томаса появилась серьёзность. – Ты говоришь, жидкость спонтанно нагрелась? В закрытой системе?

– В открытой. Обычная чашка.

– Отправь мне запись.

Ингрид переслала файл, не отрывая взгляда от чашки. Кофе всё ещё дымился, хотя прошло уже больше пятнадцати минут. Если бы он просто нагрелся один раз, она могла бы списать это на галлюцинацию. Но он продолжал оставаться горячим. Слишком горячим.

– Получил, – сказал Томас. Шорох, клики мышью. Тишина. – Господи.

– Ты видишь то же, что и я?

– Я вижу, как пар возвращается в чашку. Ингрид, это это физически невозможно. Молекулы не могут спонтанно упорядочиваться. Энтропия должна расти, а не падать.

– Я знаю, что должна! – Ингрид провела рукой по волосам, растрепав и без того хаотичную причёску. – Именно поэтому я звоню тебе.

– Может быть, камера глючит?

– Термометр показывает девяносто три градуса прямо сейчас. Я могу измерить ещё раз, если хочешь.

Она погрузила термометр обратно в жидкость. Ртутный столбик поползла вверх. Девяносто два. Девяносто три. Девяносто четыре.

Девяносто пять.

– Томас, – её голос дрогнул. – Температура продолжает расти.

Тишина на другом конце была такой плотной, что Ингрид услышала собственное сердцебиение. Быстрое. Неровное.

– Отойди от чашки, – наконец сказал Томас.

– Что?

– Просто отойди. Сейчас.

Ингрид отступила на шаг. Потом ещё на один. Чашка стояла на столе, и пар над ней становился всё гуще, превращаясь почти в туман.

– Если энтропия локально обращается вспять, – медленно произнёс Томас, – то у этого должна быть причина. Квантовые флуктуации могут вызывать временные нарушения, но они действуют на микроуровне. Нано, пико, фемтосекунды. Не восемь минут. И уж точно не в масштабах чашки кофе.

– Тогда что это?

– Я не знаю.

Ингрид почувствовала холод, ползущий по спине. Томас всегда знал. У него был ответ на всё – иногда неправильный, но всегда логичный, укоренённый в математике и физике. Услышать от него «не знаю» было страшнее, чем увидеть нагревающийся кофе.

– Проверь другие жидкости, – сказал Томас. – Воду, масло, что-то химически инертное. Если это повторится.

Он не договорил. Не нужно было.

Если это повторится, значит, дело не в кофе. Значит, что-то сломалось в самой структуре реальности.

Ингрид подошла к шкафу с реактивами, достала колбу с дистиллированной водой. Налила в стакан. Комнатной температуры – двадцать два градуса по термометру. Поставила на стол. Отошла.

Засекла время.

Три минуты.

Ничего.

Пять минут.

Ничего.

Она уже начала выдыхать с облегчением, когда над стаканом появился первый призрачный завиток пара.

– Томас, – прошептала она в трубку. – Это происходит снова.

На том конце линии было слышно учащённое дыхание.

– Измерь температуру, – сказал он. – Немедленно.

Двадцать девять градусов. Тридцать два. Тридцать восемь.

Вода начала закипать.

В комнате с температурой двадцать два градуса, без источника нагрева, без причины вода закипела сама по себе.

– Это невозможно, – сказала Ингрид, но слова звучали пусто. Реальность происходящего давила на неё всем своим абсурдом.

– Проверь новости, – резко сказал Томас. – Прямо сейчас. Открывай браузер.

Ингрид подошла к компьютеру, пальцы дрожали на клавиатуре. Набрала адрес датского новостного портала.

Первый заголовок: «Серия необъяснимых пожаров в Орхусе – огонь начинается без источника».

Второй: «Странные явления в больнице Копенгагена – медицинское оборудование выходит из строя».

Третий: «Учёные озадачены спонтанными температурными аномалиями по всей стране».

Ингрид медленно опустилась на стул. Экран размывался перед глазами.

– Это не только у меня, – прошептала она.

– Нет, – ответил Томас, и в его голосе впервые за все годы знакомства она услышала страх. – Не только у тебя.

Чашка с кофе на столе начала трескаться.

Керамика не выдерживала температуры.

Глава 2. Триггер.

Керамика лопнула с тихим хрустом – звук был почти нежным, как треск льда на весеннем озере. Кофе хлынул на стол, растекаясь тёмной лужей к краю столешницы. Ингрид отшатнулась, роняя телефон. Томас что-то кричал из динамика, но она не слышала – весь мир сузился до этой лужи, до пара, поднимающегося от неё волнами.

А потом жидкость остановилась.

Не просто перестала растекаться – замерла на месте, словно время нажало на паузу. Край лужи завис в миллиметре от края стола, тёмная капля дрожала в воздухе, но не падала.

Ингрид сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Протянула руку, коснулась края лужи пальцем.

Жидкость дёрнулась.

Не от прикосновения – сама по себе. Дёрнулась и начала двигаться обратно. К центру. К осколкам чашки.

– Нет, – выдохнула Ингрид. – Нет, нет, нет.

Кофе стекался к разбитой керамике, собирался в единую массу. Осколки шевельнулись. Самый большой кусок медленно, будто нехотя, приподнялся от стола на несколько миллиметров. Другие потянулись за ним.

Ингрид схватила телефон с пола.

– Томас! Томас, ты слышишь меня?

– Что там происходит? Ингрид, что.

– Чашка собирается обратно, – она не узнавала собственный голос. Слишком высокий, слишком тонкий. – Разбитая чашка собирается обратно!

Осколки медленно вращались в воздухе, находя свои места. Трещины смыкались, становились тоньше, исчезали. Кофе поднимался вверх – против гравитации, против всех законов физики – и втекал обратно в восстанавливающийся сосуд.

Минута. Две.

Чашка стояла на столе целая, наполненная кофе до краёв. Ни трещин, ни сколов. Как будто ничего не было.

Ингрид медленно опустилась на пол, прислонившись спиной к шкафу с оборудованием. Ноги не держали.

– Ингрид, – голос Томаса был напряжённым. – Описывай всё, что видишь. Подробно.

– Я – Она сглотнула, пытаясь собрать мысли в кучу. – Чашка разбилась. Потом жидкость остановилась. Замерла. А затем начала течь назад. Осколки поднялись в воздух и собрались обратно. Трещины исчезли. Томас, это не просто спонтанное нагревание. Это обращение времени.

– Не времени, – быстро сказал он. – Времени как такового не существует в физике. Это просто измерение. То, что ты видишь – это обращение энтропии. Локальное уменьшение хаоса.

– Какая разница, как это называть? Реальность ломается!

– Разница огромная. Если мы сможем понять механизм.

Звук разбивающегося стекла оборвал его фразу. Ингрид резко повернула голову. В дальнем углу лаборатории, у стеллажа с реактивами, колба с серной кислотой упала на пол. Жидкость разлилась, стекло рассыпалось.

Ингрид замерла, ожидая.

Десять секунд. Двадцать. Тридцать.

Ничего.

Она уже начала выдыхать, когда осколки дрогнули.

– Опять, – прошептала она. – Томас, это происходит опять.

Колба собиралась медленнее, чем чашка. Осколки подрагивали, будто сопротивляясь чему-то. Кислота ползла по полу обратно, оставляя за собой чистые дорожки – она разъедала линолеум, но теперь линолеум восстанавливался.

– Сколько времени прошло между двумя событиями? – спросил Томас.

Ингрид посмотрела на часы.

– Семь минут. Может, восемь.

– Интервал. Значит, это не постоянный процесс, а периодический. Волна? Или цикл? Нужно замерить точное время.

– Мне плевать на измерения! – Она встала, всё ещё держась за шкаф. – Мне нужно понять, что это такое и как это остановить!

– Мы не можем остановить то, чего не понимаем.

Ингрид хотела ответить что-то резкое, но звук её собственного дыхания заставил замолчать. Слишком громкий. Слишком эхом отдающийся в пустой лаборатории.

Она медленно повернулась к окну.

Дождь шёл вверх.

Капли поднимались от земли к небу, прочерчивая прозрачные линии в темнеющем воздухе. Медленно, но неотвратимо. Поднимались и исчезали в серых облаках, которые становились всё темнее, всё плотнее.

– Томас, – её голос сел до шёпота. – Посмотри в окно. Прямо сейчас.

Шорох на том конце линии. Шаги. Тишина.

– Господи боже, – прошептал Томас.

– У тебя тоже?

– У меня тоже. Ингрид, это не локальное явление. Это повсюду.

Она подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Город внизу выглядел почти нормально – горели фонари, двигались машины, люди шли по тротуарам под зонтами. Но дождь падал неправильно. Поднимался вверх, будто реальность показывала запись задом наперёд.

– Нужно связаться с институтом, – сказала Ингрид. – С университетом. С кем угодно, кто может это объяснить.

– Я уже попробовал. Линии перегружены. Все звонят, все в панике. Новостные сайты рушатся от наплыва посетителей.

– А правительство?

– Молчит. Пока.

Ингрид закрыла глаза, пытаясь думать логически. Физик. Она физик. Значит, должна анализировать, а не паниковать.

– Хорошо, – медленно сказала она. – Давай рассуждать. Энтропия локально уменьшается. Процессы обращаются вспять. Период между событиями – семь-восемь минут. Что это может означать?

– Квантовые флуктуации исключены, – быстро ответил Томас, и она услышала стук клавиш. – Масштаб слишком велик. Но если предположить воздействие извне Гравитационная волна? Нет, она бы искривила пространство-время, а не обратила процессы.

– Тёмная материя?

– Мы не знаем, как она взаимодействует с обычной материей. Может быть. Но тогда нужен триггер. Что-то, что запустило процесс.

Ингрид открыла глаза и снова посмотрела в окно. Дождь поднимался всё быстрее. На улицах начиналось движение – люди останавливались, показывали пальцами вверх. Кто-то доставал телефоны, снимал видео.

– Нужно проверить коллайдер, – вдруг сказала она. – Большой адронный коллайдер. Если они проводили эксперименты с высокими энергиями.

- Они всегда проводят эксперименты. И раньше ничего подобного не происходило.
- А что, если в этот раз что-то пошло не так?

Тишина. Потом Томас выругался по-шведски – длинно, витиевато, как он делал это только в моменты озарения или отчаяния.

- Я сейчас проверю архивы ЦЕРН, – сказал он. – Если там что-то случилось. Свет в лаборатории мигнул. Один раз. Второй. Погас.

Ингрид замерла в темноте. За окном город тоже начал темнеть – фонари гасли один за другим, будто кто-то выключал их волной.

- Электричество пропало, – сказала она.
- У меня тоже.

Аварийное освещение включилось через несколько секунд, заливая лабораторию тусклым жёлтым светом. Но компьютеры не перезагрузились. Экраны остались чёрными.

Ингрид подошла к своему ноутбуку, попробовала включить. Ничего. Батарея была полная, она проверяла перед звонком Томасу. Но теперь машина была мертва.

- Томас, техника не работает.
- Что значит не работает?
- Я не знаю! Просто не включается. Батарея есть, но.

Она замолчала. Посмотрела на телефон в руке.

Экран светился. Связь с Томасом держалась.

- Телефоны работают, – медленно сказала она. – Но компьютеры нет.
- Это не имеет смысла. Электроника есть электроника.

Ингрид обошла лабораторию, проверяя приборы. Телефон работал. Лампочка аварийного освещения работала. Но компьютер, принтер, электронный термометр – всё мёртвое.

- Только простые устройства, – прошептала она. – Сложная электроника отказывает.
- Почему?

– Не знаю. Может быть – Она остановилась у стола с осциллографом. Прибор был выключен, но на экране что-то появилось. Слабое свечение, пульсирующее. – Томас, у тебя есть осциллограф?

- Да, но он не.
- Включи его. Немедленно.

Шорох, шаги. Пауза.

– Он работает, – удивлённо сказал Томас. – Хотя не должен. Питания нет. Но на экране Ингрид, там волна. Синусоида. Частота примерно восемь герц.

- Восемь.
- Восемь минут между событиями.
- Восемь герц на осциллографе.

- Это не совпадение, – выдохнула Ингрид.
- Нет. Это паттерн.

Она прижалась к столу, глядя на пульсирующий экран. Волна поднималась и опускалась с идеальной периодичностью. Как биение сердца. Как дыхание.

Как будто что-то живое.

– Что, если это не физическое явление? – медленно сказала она. – Что, если это воздействие? Извне?

- Ты говоришь о разумном источнике?
- Я говорю, что у этого есть ритм. Структура. Природные явления не так упорядочены. Томас молчал долго. Слишком долго.

– Если ты права, – наконец сказал он, – то у нас проблемы куда серьёзнее, чем я думал.

Снаружи раздался звук – протяжный, высокий, похожий на сирену. Потом ещё один. И ещё. Городская система оповещения включалась по всему Копенгагену.

Ингрид вернулась к окну. На улицах началась паника. Люди бежали, не разбирая дороги. Машины стояли поперёк дорог, брошенные. Кто-то кричал, но звуков было не слышно через толстое стекло.

Дождь перестал подниматься.

На секунду всё замерло – капли повисли в воздухе, как застывшие в янтаре насекомые.

А потом они упали. Все сразу. Не плавно, не постепенно – обрушились вниз одной массой, как водопад.

Ингрид услышала, как где-то внизу разбивается стекло.

– Что происходит? – спросил Томас. – Ингрид, что ты видишь?

– Конеч, – прошептала она, глядя на хаос внизу. – Я вижу конец.

В лаборатории что-то звякнуло. Она обернулась.

Чашка с кофе снова раскололась. Но теперь осколки не собирались обратно.

Они просто лежали на столе, и кофе растекался по столешнице, капал на пол.

Нормально. Как и должно быть.

– Волна прекратилась, – сказал Томас. – Осциллограф показывает ровную линию.

Ингрид медленно выдохнула. Может быть, всё закончилось. Может быть, это была аномалия, сбой, что-то временное.

На улице загорелся фонарь.

Потом погас.

Потом снова загорелся.

Погас.

Загорелся.

– Томас, – её голос дрожал. – Я не думаю, что это закончилось. Я думаю, это только начало.

Глава 3. Распространение.

Эрик Волльстад узнал о катастрофе из крика.

Не новостей, не сирен, не телефонных звонков коллег – именно из крика, который прорезал тишину ночной смены в травматологическом отделении госпиталя Осло. Высокий, пронзительный, полный не боли, а ужаса. Того особого ужаса, когда человек видит что-то невозможное.

Он бросил планшет с медицинской картой и побежал в сторону звука, на ходу натягивая перчатки. Тридцать лет в экстренной медицине научили его не думать – просто двигаться, действовать, решать. Анализ потом, спасение сейчас.

Палата двести восемь. Свет горел, но моргал – явно проблемы с электричеством. Эрик распахнул дверь.

На кровати сидел Андерс Йохансен, сорок три года, автомобильная авария неделю назад. Сложный перелом бедра, множественные разрывы мягких тканей, но всё срослось хорошо. Вчера сняли швы с самого глубокого пореза на левой руке – восемнадцать сантиметров через предплечье, мышцы, задет нерв. Чистая работа, если Эрик сам так говорил.

Но сейчас Андерс держал эту руку перед собой и смотрел на неё так, словно она превратилась в змею.

Потому что шов раскрылся.

Не кровоточил – именно раскрылся, как молния на куртке. Края разошлись ровно, аккуратно, показывая розовую ткань внутри. Не свежую рану, не воспаление. Просто незаконченное заживление.

– Доктор, – Андерс повернулся к Эрику, и в его глазах плескался животный страх. – Что со мной?

Эрик подошёл, взял руку, осмотрел. Никаких признаков расхождения швов – швов просто не было. Как будто он никогда их не накладывал. Рана выглядела трёхдневной давности, хотя заживала уже десять дней.

– Я не – начал он и осёкся.

На его глазах края раны раздвинулись ещё на сантиметр.

Эрик отступил, стянул перчатки, снова натянул новые. Протокол. Нужен протокол. Обработать рану, наложить новые швы, выяснить причину. Аллергическая реакция на нити? Отторжение? Но это не выглядело как отторжение.

Это выглядело как обратная перемотка.

– Оставайтесь спокойны, – сказал он тоном, который использовал для пациентов в шоке. – Сейчас обрабатываем, наложим.

Крик из соседней палаты оборвал его слова. Потом ещё один. Потом зазвонили все кнопки вызова медсестёр одновременно – пульт управления на посту превратился в мигающую панель красных огней.

Эрик выбежал в коридор. Двери палат распахивались одна за другой. Пациенты выходили – кто-то сам, кто-то опираясь на стены. На лицах застыло одно выражение: непонимание, граничащее с безумием.

Женщина с загипсованной ногой остановилась посреди коридора, глядя вниз. Гипс трескался. Не ломался – именно трескался, покрываясь паутиной мелких линий, будто его сушили на солнце месяц.

– Доктор Волльстад! – Медсестра Кристин выскочила из ординаторской, размахивая планшетом. – У нас массовый я не знаю, что это! Все послеоперационные пациенты.

– Показывайте, – коротко бросил Эрик.

Они пробежали мимо палат. В каждой – одно и то же. Швы расходились. Переломы, которые срослись, вдруг снова становились свежими. Гипс трескался. У одного пациента после операции на сердце грудина, которую скрепили титановыми пластинами неделю назад, начала расходиться.

– Это невозможно, – прошептала Кристин. – Кости не могут разрастаться обратно.

Но могли. Эрик видел это собственными глазами.

Он остановился у поста медсестёр, схватил рабочий телефон. Номер главного врача. Занято. Номер хирургического отделения. Не отвечает. Номер скорой помощи.

– Говорите, – голос диспетчера был на грани срыва.

– Волльстад, травматология, госпиталь Осло. У нас массовое.

– Я знаю. У всех массовое. Вся больница. Весь город. Мы не справляемся. Машин не хватает. Диспетчерская система отказала. У нас.

Связь прервалась.

Эрик медленно опустил трубку. Посмотрел на Кристин.

– Соберите весь медперсонал на смене, – сказал он тихо, но твёрдо. – Немедленно. Разбудите тех, кто спит. Вызовите всех, кто живёт близко. Нам понадобится каждый.

– Но что происходит?

– Я не знаю. Но мы будем делать то, что умеем – лечить людей.

Даже если реальность решила, что исцеление больше не работает.

В трёхстах километрах к востоку Лиза Виртанен стояла на смотровой площадке моста через залив Тёёлё и смотрела, как разваливается её жизнь.

Не метафорически. Буквально.

Мост, который она проектировала три года, строила два года и сдала в эксплуатацию полгода назад, разваливался у неё на глазах.

Медленно. Методично. Болт за болтом.

– Это просто усталость металла, – сказала она вслух, зная, что врёт. – Резонанс. Ветровая нагрузка. Что угодно, но не.

Болт выпал из крепления прямо перед ней. Упал на асфальт с металлическим звоном. За ним второй. Третий.

Они не откручивались. Они просто выходили из резьбы сами, как будто невидимая рука крутила их против часовой стрелки.

Лиза подняла один с земли. Резьба чистая, не сорванная. Металл без следов коррозии. Но болт был снаружи, хотя она лично контролировала каждое крепление. Каждое.

Телефон завибрировал. Номер Маркуса, прораба.

– Лиза, у нас проблема.

– Я знаю. Я на мосту.

– Не только мост. Все объекты. Весь город. Краны складываются обратно. Здания, которые мы строим, разбираются сами. Как будто – он замолчал, подбирая слова, – как будто строительство идёт в обратную сторону.

Лиза зажмурилась. Инженер. Она инженер. Всё имеет логику, всё подчиняется законам физики, математики, прочности материалов. Не бывает невозможного.

Но мост трещал под ногами, и звук был неправильный – не стон перегруженной конструкции, а что-то другое. Более тихое. Более живое.

– Прекрой движение, – сказала она. – Немедленно. Всё.

– Полиция уже перекрывает. Но Лиза мы не можем остановить это. Что бы это ни было.

Она опустила телефон и посмотрела на пролёт моста. Тросы начали провисать. Не рваться – провисать, как будто натяжение ослабевало само по себе. А ведь она рассчитывала их с тройным запасом прочности.

Машина проехала мимо – последняя, до того как полиция установила ограждения. Водитель даже не замедлился, не заметил, что мост под ним умирает.

Лиза побежала к краю смотровой площадки, выглянула за перила. Опоры. Нужно проверить опоры. Если фундамент цел.

Бетон в основании покрывался трещинами.

Не снизу вверх, как при обычном разрушении. Сверху вниз. Как будто время для этого бетона потекло в обратную сторону – к тому моменту, когда он был ещё жидким, ещё не схватившимся.

– Нет, – прошептала она. – Только не это.

Инженеры не верят в чудеса. Они верят в расчёты, в цифры, в материалы. Но сейчас её расчёты не имели значения.

Трещина пробежала по асфальту у её ног – зигзагом, как молния. Потом ещё одна. Мост начал прогибаться.

Лиза развернулась и побежала к берегу. Позади неё металл стонал, бетон трескался, тросы лопались с хлопками, похожими на выстрелы.

Она добежала до твёрдой земли и обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как средний пролёт моста – её моста, её гордости – медленно опускается в воду.

Не падает. Опускается. Плавно. Так же, как поднимался во время строительства, только наоборот.

Через минуту от моста остались только опоры, торчащие из воды как сломанные зубы.

Лиза опустилась на землю, обхватив голову руками. Три года работы. Два года строительства. Миллионы крон. Репутация. Всё – в воде.

Но хуже было другое.

Если мост разрушился, следуя обратной логике строительства.

Что случится со зданиями? С туннелями? С дамбами?

Хельсинки построен на воде, скреплён инженерной мыслью, удержан расчётами и конструкциями. Если всё это начнёт разбираться обратно.

Телефон снова зазвонил. Незнакомый номер.

– Лиза Виртанен?

– Да.

– Говорит министерство инфраструктуры. Вам нужно прибыть на экстренное совещание. Прямо сейчас. Адрес.

– Подождите, – перебила она. – Что происходит? Что за совещание?

Пауза. Потом голос, тихий и пугающе честный:

– Мы не знаем, что происходит. Именно поэтому вы нужны нам.

Связь прервалась.

Лиза поднялась, отряхнула джинсы, посмотрела на руины моста. Инженер решает проблемы. Не важно, насколько они невозможны.

Она пошла к машине, но остановилась на полпути.

В воде, там, где упал мост, что-то шевелилось.

Металлические конструкции медленно поднимались обратно.

Восстанавливались.

Разрушались.

Восстанавливались снова.

Цикл. Бесконечный цикл.

– Господи, – прошептала Лиза. – Это не остановится, да?

Глава 4. Паттерн.

Утро пришло неправильно.

Ингрид это поняла, когда увидела рассвет через окно лаборатории – солнце поднималось слишком быстро, будто кто-то ускорил запись в два раза. Потом замедлилось. Потом снова ускорилось. Небо меняло цвета скачками: розовый, оранжевый, снова розовый, жёлтый, голубой.

Она не спала всю ночь. Томас тоже – она слышала его голос в телефоне, хриплый от усталости, но твёрдый. Они работали, потому что работа была единственным, что удерживало от паники.

На столе перед ней лежали распечатки – она нашла старый принтер, работающий от батареек, чудом уцелевший в кладовке. Графики, таблицы, временные метки. Всё, что они успели зафиксировать за ночь.

– Покажи мне ещё раз список событий, – попросил Томас. Связь держалась с перебоями, но они научились говорить в моменты стабильности.

Ингрид пробежалась глазами по записям:

– Восемнадцать ноль три. Кофе нагревается спонтанно. Продолжительность аномалии – четыре минуты.

– Восемнадцать одиннадцать. Разбитая чашка собирается обратно. Продолжительность – две минуты тридцать секунд.

– Восемнадцать девятнадцать. Дождь поднимается вверх. Продолжительность – шесть минут.

– Восемнадцать двадцать восемь. Чашка разбивается и собирается циклически. Продолжительность цикла – восемь минут, три полных цикла.

Она подняла взгляд на окно. Рассвет всё ещё шёл неправильно – небо светлело, темнело, снова светлело.

– Интервалы сокращаются, – сказал Томас. – От восьми минут к семи, потом к пяти. Сейчас уже три минуты между событиями.

– И продолжительность растёт. Первая аномалия длилась четыре минуты. Последняя – больше двадцати.

– Прогрессия. Ускоряющаяся прогрессия.

Ингрид взяла карандаш, начала чертить график прямо на распечатке. Время по горизонтали, частота событий по вертикали. Линия шла вверх – сначала плавно, потом всё круче.

– Если это продолжится, – медленно сказала она, – через двенадцать часов интервалы сократятся до нуля.

– То есть аномалии станут постоянными.

– Постоянными и повсеместными.

Тишина на другом конце линии была тяжёлой, почти физической.

– Но не все процессы обращаются, – вдруг сказал Томас. – Замечала? Некоторые вещи остаются нормальными.

Ингрид огляделась по лаборатории. Действительно. Стены стояли на месте. Пол не разваливался. Её собственное дыхание, сердцебиение – всё шло правильно.

– Что работает нормально? – спросила она. – Перечисляй.

– Гравитация. По крайней мере, базовая. Я не падаю вверх.

– Дыхание. Кровообращение. Базовые биологические процессы.

– Ядерные реакции. Солнце всё ещё светит, значит, синтез не обратился.

– Но сложные системы страдают. Электроника. Конструкции. Заживление ран.

Ингрид схватила новый лист бумаги, начала составлять две колонки. Слева – что работает. Справа – что ломается.

– Паттерн, – прошептала она. – Здесь есть паттерн. Что общего у всего, что обращается вспять?

– Энтропия, – ответил Томас. – Все эти процессы связаны с увеличением энтропии. Остывание, разрушение, распад. Они идут в сторону хаоса. А теперь откатываются к порядку.

– Но почему только некоторые? Почему не все?

– Может быть – Томас замолчал, думая. – Может быть, дело в сложности. Простые процессы стабильны. Сложные – уязвимы. Чем больше ступеней, тем легче обратить.

Ингрид посмотрела на свои руки. Кожа, кости, мышцы, нервы – миллиарды клеток, триллионы молекул, бесконечность химических реакций. Сложная система. Очень сложная.

– Значит, мы под угрозой, – сказала она тихо. – Все живые существа.

– Да.

Слово прозвучало как приговор.

Телефон на столе завибрировал – не её личный, а лабораторный, который она считала мёртвым. На экране высветился незнакомый номер с префиксом правительственной связи.

Ингрид подняла трубку.

– Доктор Ларсен? – Голос был женский, строгий, с едва заметным шведским акцентом. – Говорит Координационный центр по чрезвычайным ситуациям. Вы и профессор Бергквист из Стокгольмского университета в числе немногих, кто активно фиксирует аномалии. Нам нужна ваша экспертиза.

– Я – Ингрид посмотрела на Томаса в видеозвонке на другом телефоне. Он кивнул. – Я слушаю.

– Правительства Дании, Швеции, Норвегии и Финляндии создали совместную научную группу. Экстренная мера. Вам обоим направлены приглашения. Собрание через два часа, виртуально. Доступы отправлены на электронную почту.

– Электронная почта не работает, – сказала Ингрид. – Сложная электроника отказала.

Пауза.

– Мы знаем. Работаем над этим. Доступы придут SMS. Будьте готовы.

Связь прервалась.

Ингрид медленно опустила трубку. Посмотрела на Томаса.

– Они собирают команду, – сказала она. – Значит, ситуация ещё хуже, чем мы думаем.

– Или они наконец поняли масштаб, – ответил он. – В любом случае, у нас есть два часа.

Продолжим анализ.

Они работали молча, каждый на своём конце линии. Ингрид фиксировала новые аномалии – их становилось больше с каждой минутой. Лампочка на потолке мигала всё чаще. Карандаш в её руке то писал нормально, то оставлял линии, которые исчезали через несколько секунд.

– Ингрид, – вдруг сказал Томас. – Открой последние сейсмические данные. Из Геологической службы.

– Зачем?

– Просто открой.

Она нашла ссылку на публичные данные – сейсмографы по всей Скандинавии. График последних двадцати четырёх часов.

И замерла.

Волны. Ритмичные, повторяющиеся волны, идущие из одной точки. Не землетрясение – слишком регулярно. Не вулканическая активность – не та частота. Что-то другое.

– Ты видишь источник? – спросил Томас.

Ингрид увеличила карту. Эпицентр находился в Норвежском море, примерно в трёхстах километрах от побережья. Глубина – три тысячи метров.

– Что там? – прошептала она. – Что там может быть?

– Я проверил архивы ЦЕРН, – сказал Томас. – Никаких аномальных экспериментов в последние недели. Проверил космические обсерватории – никаких гравитационных волн, никаких вспышек. Но этот источник.

– Его не должно там быть, – закончила Ингрид. – На этой глубине ничего нет. Только вода и дно.

– Или то, что мы считали дном.

Она посмотрела на карту. Волны шли оттуда с периодичностью восемь минут. Потом семь. Потом пять. Точно как аномалии.

– Это не совпадение, – сказала она. – Всё начинается там.

– Нужно туда попасть.

– Это посреди моря! Три километра вниз!

– Я знаю. Но если мы хотим понять.

Свет в лаборатории погас. Полностью, даже аварийное освещение. Ингрид замерла в темноте, слыша только собственное дыхание и голос Томаса из телефона.

– Ингрид? Ты там?

– Да. Свет пропал.

– У меня тоже.

Через окно проникал только тусклый утренний свет – и тот мигал, как стробоскоп. Рассвет циклился: светлело, темнело, светлело, темнело.

Потом остановился. Небо замерло в состоянии полусумерек, ни день, ни ночь.

– Томас, – её голос дрожал. – Я думаю, время начинает ломаться не только локально.

– Что ты видишь?

– Солнце застыло. Оно не движется.

Пауза. Долгая, мучительная пауза.

– У меня то же самое, – наконец сказал он. – Ингрид, если вращение Земли.

Он не договорил. Не нужно было.

Если вращение Земли начало обращаться вспять, если день и ночь перестали сменяться правильно, то времени у человечества было ещё меньше, чем они думали.

Телефон завибрировал. SMS с правительственным префиксом. Ссылка на видеоконференцию и код доступа.

– Собрание начинается раньше, – сказала Ингрид. – Через пять минут.

– Тогда нам лучше придумать, что мы им скажем.

Она посмотрела на свои записи, на графики, на карту с эпицентром в Норвежском море. Что она могла сказать? Что реальность ломается, и они не знают почему? Что источник где-то на дне океана, и добраться до него почти невозможно?

Что у человечества, возможно, осталось меньше суток?

– Скажем правду, – решила Ингрид. – Какой бы страшной она ни была.

– Правда никогда не помогала в панике.

– Зато помогала в решениях. А решения нам нужны прямо сейчас.

Свет мигнул и вернулся – тусклый, неровный, но достаточный, чтобы видеть. Ингрид открыла приложение для видеоконференций на телефоне. Ввела код.

Экран разделился на десятки квадратов. Лица незнакомых людей – учёных, политиков, военных. Все с одним выражением: сдерживаемая паника.

В центральном квадрате появилась женщина средних лет в строгом костюме.

– Благодарю за оперативность, – сказала она. – Я премьер-министр Дании Кирстен Йенсен. Для тех, кто не в курсе: мы столкнулись с беспрецедентным кризисом. Физические законы,

на которых держится наша цивилизация, перестают работать. У нас нет времени на панику, нет времени на политику. Есть только один вопрос: что происходит и как это остановить?

Она посмотрела прямо в камеру – и Ингрид почувствовала, как на неё ложится ответственность.

– Доктор Ларсен, профессор Бергквист, – продолжила премьер-министр. – Вы первыми зафиксировали аномалии. Что вы можете сказать?

Ингрид посмотрела на Томаса в одном из квадратов. Он кивнул.

Она глубоко вдохнула.

И начала говорить правду.

Глава 5. Первая жертва.

– Энтропия локально обращается вспять, – голос Ингрид звучал глухо в динамиках телефона. – Процессы, которые должны увеличивать хаос, начинают его уменьшать. Остывание становится нагреванием. Разрушение становится созиданием. Смерть становится.

Она замолчала. Не договорила. Потому что даже произнести это вслух было страшно.

– Продолжайте, доктор Ларсен, – попросила премьер-министр Йенсен.

– Мы зафиксировали источник аномалий, – вмешался Томас, его квадрат на экране увеличился. – Норвежское море, координаты шестьдесят семь градусов северной широты, два градуса восточной долготы. Глубина три тысячи метров. Оттуда исходят волны – не акустические, не сейсмические. Что-то другое.

– Что находится в этой точке? – спросил мужчина в военной форме. Генерал, судя по нашивкам.

– Ничего, – ответила Ингрид. – По всем картам это просто дно океана. Но волны реальны. И они распространяются концентрическими кругами, охватывая всё большую территорию.

– Как быстро? – Вопрос задал кто-то из квадратов справа. Ингрид не успела разглядеть лицо.

– Изначально – три метра в секунду. Сейчас – двадцать. Скорость растёт экспоненциально.

Шум на том конце конференции. Несколько человек заговорили одновременно. Премьер-министр подняла руку, требуя тишины.

– Если я правильно понимаю, – сказала она медленно, – у нас есть эпицентр. Значит, есть источник. Можем ли мы его уничтожить?

– Мы не знаем, что это, – ответил Томас. – Как можно уничтожить то, чего не понимаешь?

– Бомбить, – резко сказал генерал. – Послать субмарину с ядерным зарядом. Три километра глубины – не проблема для современных торпед.

– И что, если это усугубит ситуацию? – Ингрид почувствовала, как внутри растёт гнев. – Что, если источник реагирует на энергию? Ядерный взрыв может разнести аномалию на весь мир за секунды!

– Тогда что вы предлагаете? Сидеть и ждать?

– Я предлагаю сначала понять, а потом действовать!

Экран мигнул. Несколько квадратов погасли, потом вернулись. Связь становилась нестабильной.

– У нас нет времени на понимание, – сказал кто-то из министров. – Люди умирают. Инфраструктура рушится. Мы должны.

Его голос оборвался. Все квадраты на экране разом замерли, как будто видео поставили на паузу. Ингрид постучала по телефону. Ничего. Потом картинка дёрнулась, и все заговорили одновременно, перебивая друг друга.

–..первая подтверждённая смерть.

–..больница в Копенгагене сообщает.

–..нужно срочно.

Премьер-министр Йенсен подняла руку выше, но её уже никто не слушал. В углу экрана появилось новое окно – экстренное сообщение от службы здравоохранения. Ингрид прочитала первую строку и почувствовала, как холод разливается по венам.

«Подтверждена смерть пациента в госпитале Ригсхоспиталет. Причина: обратное пищеварение. Содержимое желудка поднялось обратно через пищевод, вызвав удушье и остановку сердца. Время смерти: 07:34».

Десять минут назад.

– Господи, – прошептал кто-то в конференции.

– Отключите камеры пациентов, – быстро сказал кто-то из квадратов. – Немедленно.

Если это попадёт в сеть.

Но было уже поздно.

Ингрид увидела, как в нижнем углу экрана появилось уведомление от социальной сети. Потом ещё одно. Ещё. Десятки, сотни. Люди публиковали видео, фотографии, посты с хештегами #обратноевремя #апокалипсис #копенгаген.

И среди них было видео из больничной палаты.

Она не стала смотреть. Не могла. Но видела миниатюру – человек на кровати, медсестры вокруг, паника на лицах.

– Информационный контроль невозможен, – сказал министр связи, его квадрат выделился. – Сети перегружены. Люди публикуют быстрее, чем мы можем удалять. Паника выходит из-под контроля.

– Тогда надо дать официальное заявление, – ответила премьер-министр. – Честное. Прямое. Люди должны знать.

– Что? – перебил её генерал. – Что мы не понимаем, что происходит? Что не можем защитить их? Это вызовет хаос!

– Хаос уже здесь!

Ингрид выключила звук и откинулась на спинку стула. Голоса продолжали спорить на экране, квадраты мигали, появлялись и исчезали. Но это больше не имело значения.

Человек умер.

Первый. Но явно не последний.

Она закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями. Обратное пищеварение. Желудок выталкивает содержимое обратно. Почему? Потому что переваривание – это распад, увеличение энтропии. Сложные молекулы расщепляются на простые. А теперь процесс обратился – простые собирались в сложные и выходили наружу.

Если это может случиться с пищеварением, то может случиться с чем угодно.

С дыханием – лёгкие начнут выталкивать кислород обратно.

С кровообращением – кровь потечёт в обратную сторону.

С мышлением – нейроны начнут терять связи, возвращаясь в первичное состояние.

– Томас, – она включила микрофон. – Томас, ты слышишь меня?

Его квадрат выделился.

– Да.

– Нам нужно закрыть эту конференцию. Сейчас. Они только спорят, а времени нет.

– Я согласен. Но что мы можем сделать вдвоём?

Ингрид посмотрела на карту с эпицентром. Три тысячи метров воды. Холод, давление, темнота. И что-то там, на дне, что разрушало законы физики.

– Я знаю человека, – медленно сказала она. – Океанолога. Он работает с глубоководными аппаратами. Если кто-то может спуститься туда.

– Это безумие, – перебил Томас. – Даже если удастся добраться до эпицентра, что потом? Мы не знаем, с чем столкнёмся.

– Зато узнаем. Это лучше, чем бомбить наугад или сидеть здесь и спорить.

Пауза. Долгая, тягучая пауза.

– Хорошо, – наконец сказал Томас. – Я попробую найти судно с глубоководным оборудованием. Но Ингрид если мы ошибаемся, если там что-то, чего мы не понимаем.

– Тогда мы все умрём, – закончила она. – Но мы и так умрём, если ничего не сделаем.

Она отключилась от конференции, не дожидаясь конца спора. Схватила свой рабочий планшет – мёртвый, как и вся сложная электроника – и швырнула его в стену. Тот разбился с треском, и это принесло странное удовлетворение.

Потом она набрала номер Магнуса Хансена.

Три гудка. Пять. Семь.

– Ингрид? – Голос был хриплый, усталый. – Чёрт возьми, ты знаешь, который час?

– Восемь утра. Магнус, мне нужна твоя помощь.

– Если это насчёт конференции в Тронхейме, то я уже сказал, что.

– Не насчёт конференции. Насчёт конца света.

Пауза.

– Ты шутишь?

– Хотела бы. Включи новости. Любой канал. А потом перезвони мне.

Она положила трубку и подошла к окну. Небо всё ещё висело в полусумерках – солнце не двигалось, застыв где-то между рассветом и днём. На улицах люди бежали в разные стороны, кто-то кричал, машины стояли брошенными посреди дороги.

Телефон зазвонил через минуту.

– Я смотрю новости, – сказал Магнус, и в его голосе больше не было сонливости. – Это правда? Всё это?

– Да.

– Господи боже. Ингрид, что происходит?

– Я не знаю точно. Но я знаю, где начинается. И мне нужен глубоководный аппарат, чтобы туда попасть.

– Куда?

– Норвежское море. Три километра вниз.

Магнус засмеялся – коротко, нервно.

– Ты хочешь спуститься в эпицентр апокалипсиса в батискафе?

– Да.

– Это самая безумная идея, которую я слышал. И я работаю с океанологами двадцать лет.

– Значит, ты поможешь?

Ещё одна пауза. Потом вздох.

– У меня есть «Нерей-2» в Бергене. Рассчитан на глубину до пяти километров. Но экипаж разбежался, связь с верфью пропала, и я даже не уверен, что аппарат сейчас в рабочем состоянии.

– Но он там?

– Должен быть.

– Тогда я еду в Берген. Сколько времени?

– Часов пять на машине, если дороги не перекрыты. Но Ингрид.

– Что?

– Ты хоть представляешь, на что идёшь? Три километра – это не шутки. Давление там раздавит человека за секунду, если что-то пойдёт не так. А с этими аномалиями всё может пойти не так.

Ингрид посмотрела на улицу. Женщина внизу упала на колени, прижимая руки к животу. Кто-то подбежал к ней, попытался помочь. Потом отшатнулся.

Ещё одна смерть.

– Я представляю, – сказала Ингрид. – Но выбора нет.

Она повесила трубку и начала собирать вещи. Немного – телефон, зарядка, записи, тёплая одежда. Всё, что могло пригодиться.

Из коридора донеслись шаги. Быстрые, неровные. Ингрид замерла, прислушиваясь. Потом дверь лаборатории распахнулась.

В проёме стоял Йенс, техник из соседнего отдела. Лицо бледное, глаза расширены.

– Доктор Ларсен, – он задыхался. – Вы должны уйти. Здание эвакуируют. Университет.

– Что с университетом?

– Он разрушается. Не весь, но южное крыло кирпичи выпадают из стен. Фундамент трескается. Говорят, по всему городу здания начинают разбираться сами.

Как мост в Хельсинки, подумала Ингрид. Как всё, что построено человеком.

– Иди, – сказала она Йенсу. – Уходи из города, если можешь. Найди безопасное место.

– А вы?

– У меня работа.

Она схватила сумку и вышла в коридор. Здание действительно трещало – тихо, почти незаметно, но звук был там. Где-то наверху что-то скрипнуло и рухнуло.

Ингрид побежала к выходу, не оглядываясь.

На улице был хаос. Люди толкались, кричали, плакали. Кто-то пытался грузить вещи в машины. Кто-то просто стоял, глядя в небо, где застыло неподвижное солнце.

Ингрид прорвалась сквозь толпу к своей машине. Открыла дверь, забросила сумку на пассажирское сиденье. Завела мотор.

Двигатель заработал – простая механика всё ещё функционировала. Слава богу за старые автомобили без электронного управления.

Она выехала на дорогу, объезжая брошенные машины. GPS не работал, но маршрут до Бергена она помнила. Пять часов. Может, больше, если дороги перекрыты.

Телефон зазвонил. Томас.

– Я нашёл судно, – сказал он без приветствия. – Норвежская исследовательская станция в Тронхейме готова предоставить корабль с глубоководным оборудованием. Они согласились помочь.

– Я еду в Берген за батискафом. Встретимся на месте?

– Встретимся. Ингрид будь осторожна.

– Ты тоже.

Она положила телефон и сосредоточилась на дороге. Город за окном разваливался медленно, почти незаметно, но неотвратно. Трещины ползли по стенам. Фонари гасли и загорались обратно. Люди падали, хватались за животы, за горло.

Скорая помощь уже не приезжала.

Ингрид сжала руль сильнее и прибавила скорость.

Глава 6. Каскад.

Дорога до Бергена должна была занять пять часов. Ингрид проехала сорок километров за первые тридцать минут, и уже понимала, что дальше не доберётся.

Не потому что дорога была перекрыта – хотя машин становилось всё больше, все ехали куда-то, от чего-то, в никуда. Не потому что кончился бензин или сломалась машина. А потому что асфальт под колёсами начал меняться.

Сначала она заметила трещину. Одну, тонкую, тянущуюся вдоль разметки. Потом ещё одну. Потом асфальт под правым колесом просел, и машину тряхнуло так, что Ингрид едва удержала руль.

Она остановилась, вышла, посмотрела на дорогу.

Асфальт пузырился. Не плавился – пузырился, как будто под ним что-то кипело. Края трещин расходились, показывая старый асфальт под новым. Потом ещё более старый. Потом гравий. Потом землю.

Дорога возвращалась к тому состоянию, каким была до постройки.

– Нет, – прошептала Ингрид. – Не сейчас. Только не сейчас.

Но процесс не остановился. Асфальт отслаивался пластами, сворачивался, будто его никогда не укладывали. Разметка исчезала. Обочина сползала к центру. Через минуту дороги не стало – только грунтовая колея, какой она была пятьдесят лет назад, когда здесь ещё не проходила трасса.

Ингрид развернулась к машине. Попробовала завести. Двигатель зашёлся, заглох. Снова зашёлся. Заглох окончательно.

Она ударила по рулю кулаком. Потом ещё раз. Боль в костяшках принесла странное облегчение – хоть что-то реальное, хоть что-то, что работает как надо.

Телефон зазвонил. Томас.

– Где ты? – Его голос был напряжённым.

– Застряла в сорока километрах от Копенгагена. Дорога разрушилась. Буквально – вернулась в прошлое состояние.

– У меня то же самое. Мост через Стокгольм закрыли. Говорят, он раскачивается, хотя ветра нет. Лиза из Хельсинки звонила – у них вообще полный коллапс инфраструктуры.

– Что делать?

– Не знаю. Морем? На лодке?

Ингрид посмотрела по сторонам. Поля, редкие дома, лес вдаль. До ближайшего порта километров двадцать пешком. И неизвестно, работают ли там ещё суда.

– Я попробую найти транспорт, – сказала она. – Ты тоже. Связь держи постоянно.

Она схватила сумку из машины и пошла по обочине, точнее, по тому, что от неё осталось. Трава под ногами была странной – слишком высокой, дикой, как будто её не косили годами. Хотя она точно помнила, что месяц назад проезжала здесь и всё было аккуратно подстрижено.

Впереди показался дом. Небольшой, одноэтажный, с красной черепицей. Ингрид ускорила шаг. Может быть, там есть кто-то. Может быть, там есть другая машина.

Но когда она подошла ближе, то остановилась.

Дом горел.

Не так, как должны гореть дома. Пламя поднималось не вверх – оно стекало вниз, ползло по стенам к земле, словно вода. Дым втягивался обратно в огонь. Треск и гул шли наоборот, будто запись пустили задом наперёд.

Ингрид стояла, не в силах оторвать взгляд. Огонь полз всё ниже, всё плотнее, пока не исчез совсем. И на месте горящего дома появился целый – стены восстановились, крыша вернулась на место, окна засверкали неповрежденным стеклом.

Дом вернулся из пепла.

Но тишина внутри была абсолютной. Мёртвой.

– Господи, – прошептала Ингрид.

Она подошла ближе, заглянула в окно. Внутри – пустота. Не просто отсутствие людей – отсутствие жизни. Мебель стояла на местах, но покрыта пылью, будто годами стояла нетронутой. На столе – посуда, недопитый чай, открытая книга.

Как будто обитатели исчезли секунду назад. Или неделю назад. Или никогда не существовали.

Ингрид отпрянула от окна. Телефон завибрировал – сообщение от Томаса: «Смотри новости. Срочно».

Она открыла браузер. Сайты загружались с трудом, но одна новостная лента всё же открылась.

Заголовки заставили её похолодеть:

«Лондон: сгоревший в 1666 году район восстанавливается, жертв Великого пожара не находят».

«Париж: Нотр-Дам восстановился после пожара 2019 года, но внутри пусто».

«Дрезден: разрушенные во Второй мировой здания возвращаются, но население не появляется».

«Хиросима: восстановление городских кварталов без людей».

По всей Европе, по всему миру разрушенные катастрофами места возвращались в прежнее состояние. Города восставали из пепла. Здания отстраивались за минуты. Мосты собирались обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.